

«ПАРТИТУРА С КОСМИЧЕСКОЙ ОТМЕТИНОЙ»

(Из беседы с Михаилом Козинцом)

Как тут не поверить в «мистическую реальность» некоторых жизненных мгновений? Стоит только вербально сформулировать и выпустить в пространство какое-либо желание, предложение, озвучить идею, как Космос будто берет проговоренное себе «на карандаш» и все материализуется. Но во многих ли свершениях задействована та благосклонная «к хотению» космическая отметина? Это, безусловно, закрытая (в каждом индивидуальном случае) информация.

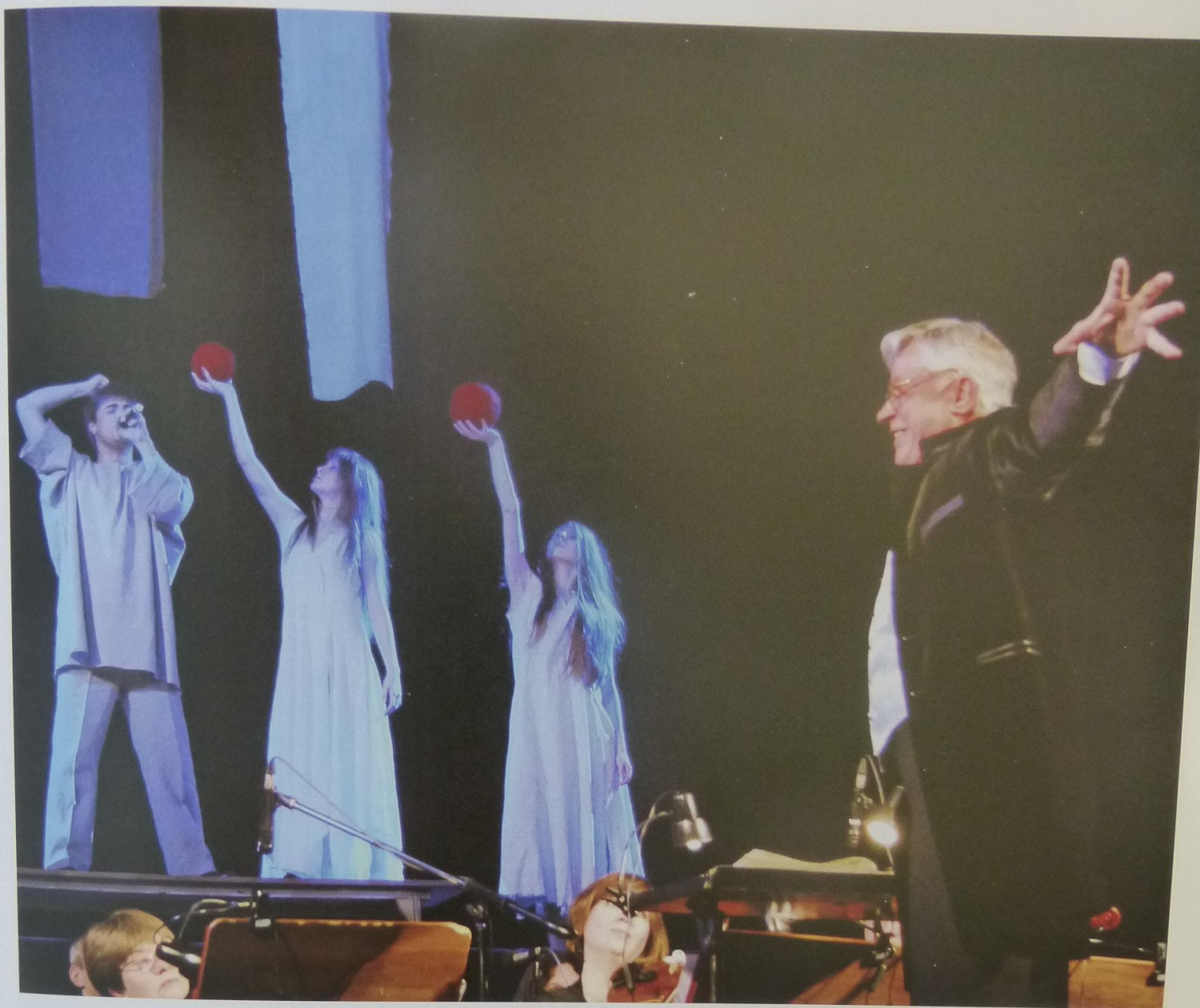
Но вот с оперой-притчей «Песня пра долю» без вмешательства провидения явно не обошлось. Помню, как с десяток лет назад к нам в редакцию зашел Анатолий Кашепаров. Прилетев из Америки, он собирал творческий тандем для реализации собственных проектов на родине, в Беларуси. Разговорились, вспоминая о былом и проецируя его на XXI век. Песенное наследие Мулявина и в новом времени заняло в среде молодых музыкантов и исполнителей свою определенную, «ремиксовую», версию-нишу.

Но мы с Анатолием говорили о том, как здорово было бы, если кто-то возьмется воссоздать на современной сцене купаловско-мулявинский шедевр – «Песню пра долю». И вот оно, свершение. 12 января 2013 года Национальный академический народный оркестр Республики Беларусь имени И. Жиновича пригласил зрителей на премьеру возрожденной рок-оперы в Белорусскую государственную филармонию.

Каким виделся художественному руководителю и главному дирижеру знаменитого коллектива, народному артисту Беларуси, профессору Михаилу Козинцу сам композитор Владимир Мулявин в этой «партитуре с космической отметиной»?

— Наши контакты с Владимиром Георгиевичем происходили в основе своей через оркестр. Мне казалось, на то время, конечно (сейчас несомненно другая оценка, иное осмысление его творческого вклада), что «Песняры» — это поверхностное явление на потребу дня, а значит, и недолговременное. И, вместе с тем, меня удивляло, что Мулявин относился с большим пиететом, искренним уважением к исканиям оркестра и непосредственно к Иосифу Иосифовичу Жиновичу. Дело в том, что и Жинович в плане творчества был человеком передовым, с замечательным видением современных музыкальных перспектив и мог сойтись во взглядах на искусство с Владимиром Георгиевичем. И вот состоялись наши совместные концерты в Москве — народный оркестр и «Песняры». Помню, тогда в совместном исполнении прозвучали в первом отделении «Хатынь» и «Спадчына» Игоря Лученка, а второе целиком было отдано «Песнярам». Великолепно принимали нас зрители в Москве, где концерты продолжались целую неделю, постоянные аншлаги ждали и в Киеве.

Со временем я понял, что само звучание национальных инструментов и та идеология, которую несет оркестр Жиновича, были очень родными и близкими по духу Мулявину. Особенно я это ощутил сейчас, когда мы ставили его «Песню про долю», возродили «Гусяра», «Я не паэта...», когда переложили весь тот инструментарий, который был у Мулявина, на эксклюзивно аранжированную партитуру для Национального оркестра имени Жиновича. И то, что получи-

Михаил Козинец дирижирует Национальным оркестром им. И. Живовича на премьере возрожденной рок-оперы В. Мулявина «Песня пра долю». 12 января 2013 г.

лось, по словам Владислава Мисевича, оказалось по своей природе даже органичнее, истиннее, мощнее, чем когда-то у самих «Песняров». Безусловно, Владимир Георгиевич прекрасно понимал и чувствовал природу народного мелоса, а потому и шел на творческие контакты с нашим академическим коллективом.

Что касалось личных отношений коллег с музыкантом, то со стороны Владимира Георгиевича никогда не было какой-то пренебрежительности, чванливости или высокомерия. А ведь семидесятые годы прошлого столетия были отмечены в истории советской культуры потрясающим взлетом «Песняров». Казалось, что вокруг них витает какой-то ореол недоступности. Но сверхпопулярный именитый музыкант оставался Володей Мулявиным, который со всеми сотрудниками филармонии был в отношениях прост и доступен. Но что удивительно: лично

мы с ним никогда не говорили о сугубо творческих вопросах. И я понимаю, почему. Он был настолько индивидуален, что, возможно, не мог впустить в свою творческую ауру кого-то другого. Вообще-то он в плане творения искусства был одиночкой. Это поначалу он что-то брал из гого. Вообще-то он в плане творения искусства был одиночкой. Это поначалу он что-то брал из музыки рока на Западе. Очень многое, в частности, было из «Червоных гитар» в первые годы, когда они еще проходили становление «Лявонамі». Но потом его творчество, когда перешел к таким глобальным проектам, как «Песня пра долю» и «Гусляр», когда обратился к поэзии Маяковского, музыкальное мышление его стало поразительно симфоничным. Хотя Владимир Георгиевич и не оканчивал высшую музыкальную школу, консерваторию, но школа композиции изначально была заложена в его природе, которую дал ему Бог.

Мы особенно ощущаем сейчас, когда прошло определенное время, всю ценность и значимость творчества Мулявина. У него действительно великолепные песни в плане гармонического построения, в них присутствует высочайшая поэзия. Я думаю, что он имел, возможно, какие-то постоянные плодотворные связи с поэтами, которые могли ему что-то рекомендовать, подсказывать во время с литературным материалом, а Владимир Георгиевич мог его отбирать и реализовывать. Так работал Чайковский, когда писал свои романы, а также Мусоргский, Глинка, Рахманинов. У них были одаренные творческие «литературные рабы», которые поставляли им не просто тексты, а настоящую поэзию. И у Владимира Георгиевича были свои неоспоримые шедевры, ведь песни на стихи Богдановича, Купалы, Коласа, Танка, Кулешова, Бровки просто непревзойденны по глубине и масштабности своего мощнейшего посыла к человечеству.

Особенное ощущение возникает, когда слушаешь «Песню пра долю». Опера-притча поразительна по форме, прекрасна по экспозиции, репризе, а разработочная часть ее великолепна по своей значимости. Именно сейчас, когда соприкоснулся близко с партитурой «Песні пра долю», когда все продирижировал, пропустил через себя, я понял, насколько Мулявин уже тогда, в 1970-е годы, симфонично мыслит.

Скажу о его гармоническом языке. Он будто бы не вносил в написание музыки какого-то особого модерна, но его умение находить гармонические соединения придало композиции такую свежесть, такой аромат и удивительное движение, что только по двум цитатам в гармонии ты сразу узнаешь: это Мулявин. Да, существует статичная гармония, есть какие-то рамки, законы ее соединения, но у Владимира Георгиевича все эти созвучия находили особый свет, присущий только его таланту.

Вообще, я считаю, что современной Беларуси очень повезло, что такой вот удивительный человек оказался в свое время на своем месте, внеся эксклюзивный вклад в сокровищницу белорусской национальной культуры. И еще невероятно большое значение Мулявина в том, что он сделал для белорусского языка, позиционируя его в современной музыке главенствующим. И ценность Владимира Георгиевича в этом подвижничестве поразительная. Ценность истинного Песняра...